

И. Д. ЯКУВОВИЧ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СТИЛИЗАЦИИ В «ПОДРОСТКЕ»

В подготовительных материалах к роману «Подросток» Достоевским первоначально был задуман целый ряд «анекдотов», которые должен был рассказывать Макар Долгорукий. Вот некоторые из упомянутых тем: «Рассказы о святых», «Мария Египетская», «О Смердящей Лизавете», «Как иноки избивали инока», «О купце», «Об Иове, Сатане и проч.» и др. (16, 388). До некоторой степени разработан в подготовительных материалах лишь сюжет о Лизавете Смердящей; он имеет здесь даже два варианта (16, 143, 370).

Лизавета Смердящая в них сближается с Лизаветой блаженной из рассказа Марии Лебядкиной не только именем, но и общим настроением, отношением автора к блаженной и даже к случайной, очевидно, общей деталью: «Сидит она (блаженная Лизавета, — И. Я.) там за железною решеткой семнадцатый год, зиму и лето в одной поскоинной рубахе и всё аль соломинкой, али прутиком каким ни на есть в рубашку свою, в холстину тычет» (10, 116). И о Лизавете Смердящей Макар говорит: «На вострой сололке лежит <...> сидит, в рубаху соломинкой тыкает...» (16, 143). Лизавету же из рассказа Хромоножки Р. Плетнев возводит к затворнице Евдокии из книги инока Парфения.¹

В окончательном тексте романа Достоевский из «рассказов» Макара оставляет лишь три. Два из них излагает Аркадий со слов странника и лишь один передан «его», т. е. Макара, «слогом» (13, 313).

Макар Долгорукий появился в черновиках романа не сразу, но лишь вскоре после того, как Достоевский останавливается на форме написания романа «от я». Этот «я» — девятнадцатилетний Аркадий Долгорукий и обуславливает характерные черты повествовательного тона романа, чему Достоевский придавал особое зна-

¹ Pletnev R. Dostojewskij und der Hieromonach Parfenij. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1937, Bd. XIV, N 1/2, S. 36—39.

чение (см.: П., II, с. 336). Ему свойственна особая напряженность, восторженность, даже горячность, в то же время поспешность, сбивчивость, повторы. «Я записываю лишь события, уклоняясь всеми силами от всего постороннего, а главное — от литературных красот» (13, 5), — заявляет Подросток в самом начале своих записок. Исключением из общего «тона» повествования является часть третьей главы, третьей части романа, заключающей в себе рассказ Макара. «Макар Иванов (Русский тип)», «Древняя святая Русь» (16, 121, 128) — так характеризуется новый герой на страницах черновиков. Он должен был воплотить в себе черты народного идеала. Литературным прообразом Макара исследователи справедливо считают некрасовского Власа; проанализированы и биографические материалы, которые использовал писатель.² Но подготовительные материалы к роману свидетельствуют, что в стремлении найти вечные критерии нравственности, в поисках самоотверженной личности, проповедующей «благообразие», Достоевский обращается и к известным древнерусским героям — подвижникам. На страницах его рукописи появляются имена Пила Сорского, Кирилла Белозерского, Феодосия Печерского, Тихона Задонский, выведенный писателем в «Бесах», не во всем подходит для вновь создаваемого героя. Общий тон сочинений Тихона с его идеей смирения, необходимости страдания близок «страннику» Макару, но Макар, человек с горячим сердцем, более светский и светлый, чем мрачный и догматический монах Тихон.³

Достоевского всегда привлекали особенности сюжета, тематика, характер изложения событий в житийной, апокрифической литературе. Он усматривал в подобных образцах высокие моральные традиции, гуманистическую основу, дающую ему возможность познать сложные вопросы народной нравственности и в конечном итоге категории добра и зла.

В подготовительных материалах к роману после первой записки о Макаре следует раздел заготовок отдельных выражений для речи героя. Большинство из этих записей, более пятидесяти, — выписки из книги: «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника Святой горы Афонской инока Парфения» (ч. I—IV, М., 1856).

В период работы над романом Достоевский жил в Старой Руссе и, по свидетельству Анны Григорьевны,⁴ перечитывал книгу Парфения. Знаком с этой книгой писатель был давно и, как пи-

² См.: Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.—Л., 1963, с. 128—133; Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов. — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 33—66.

³ О влиянии сочинений Тихона Задонского на Достоевского см.: Плетнев Р. Сердцем мудрые. (О «старцах» у Достоевского). — В кн.: О Достоевском. Сб. статей под ред. А. Я. Бека, вып. II. Прага. 1933, с. 73—92. См. также: 9, 511—513.

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 272.

пет Страхов, брал ее с собой за границу в 1867 г.⁵ «Сказание о странствии инока Парфения» высоко ценилось не одним Достоевским. Появление книги в печати было широко отмечено литературной критикой пятидесятих годов. На нее обратили внимание представители различных направлений общественной мысли. Рецензии опубликовали: «Русский вестник» (1856, т. III, кн. 5), «Русская беседа» (1856, кн. III), «Современник» (1855, № 10), где с отзывом о книге Парфения выступил Н. Г. Чернышевский. Готовился отзыв в «Библиотеке для чтения», с историей этого неосуществленного замысла редакции связана неоконченная статья Салтыкова-Щедрина о «Сказании... инока Парфения».⁶ А. В. Дружинин в письме к Тургеневу от 19 сентября 1859 г. отзывался о книге как о «великой поэтической фантазмагории, переданной оригинальнейшим художником, на оригинальнейшем языке».⁷ Тургенев также дал высокую оценку автору книги, назвав Парфения «великим русским художником и русской душой».⁸ Чернышевский в упомянутой выше рецензии, как и Дружинин, обратил особое внимание на «язык этих многотомных записок», который «прежде всего поражает читателя, представляя оригинальную смесь церковнославянского с старинным книжным русским и простонародным русским». Он отметил «безыскусственность», «оригинальность ее наивного изложения».⁹ Первое упоминание Достоевским «Сказания» встречается в подготовительных материалах к «Бесам». В основном тексте романа некоторые детали сцены посещения юродивого Семена Яковлевича восходят к подобной же сцене, описанной Парфением.¹⁰ Подготовительные материалы к роману «Подросток» дают возможность судить о работе Достоевского с этой книгой, об отношении романиста к ней. Судя по характеру записей, Достоевский, читая книгу Парфения, постепенно делал в записной тетради выписки из нее. Порою это были дословные цитаты: «Ими же Сам весть судьбами спасет меня» (Сказание, ч. I, с. 21); «Душа во мне едина; ежели ее погублю, то сыскать другой не могу. Да и время мое ежели без успеха душе проведу, назад уже не возвращу. Церкви святой ревнуй, и аще позовет время, то и умри за нес как за Христа» (ч. I, с. 30—31); «Читают и толкуют, а сами все в недоумении пребывают и разрешить не могут» (ч. I, с. 69) и т. д. Но наиболее часто встречаются записи, видоизменяющие оригинал, они носят более обобщенный характер.

⁵ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 298 (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. I).

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. 5. М., 1966, с. 33—68, 533—541.

⁷ Тургенев и круг «Современника». М.—Л., 1930, с. 217.

⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 3. М.—Л., 1961, с. 242.

⁹ Чернышевский Н. Г. Собр. соч., т. 2. М., 1949, с. 763—764.

¹⁰ См.: 10, 257 и «Сказание...», ч. I, с. 284—285.

У Парфения:

«...будучи сам неискусен и провождая жизнь свою, как заблудшая овца без пастыря, как могу научить другого, когда сам ничего не знаю» (ч. I, с. 22).

«Здесь сподобился лобызать святые целокупные мощи св. великомученика Иоанна <...> Мощи почивают на вскрытии <...> и испускают великое благоухание» (ч. I, с. 17—18).

«О св. Христова невеста! Наполнила ты своими возлюбленными чадами горы и вертепы, и проласти земные, и непроходимые леса, и пустыни, где суетному и многотажному миру недоступно и неудобно, а твоим чадам есть самое прекрасное и веселое и всякой радости и преисполненное жилище» (ч. I, с. 255—256).

«Это говорят люди, но люди заблудшие и мирские, и подобострастные нам человеки, а не бог» (ч. I, с. 132).

«А наипаче скорбно и болезненно быть жене оставленной своим супругом, и оставаться на всю жизнь сиротою, как бесприютной и тоскующей горлице, потерявшей своего супруга» (ч. I, с. 259).

У Достоевского:

«Будучи сам весьма неискусен, как могу научить другого, когда сам ничего не знаю» (16, 137).

«Святые целокупные мощи, великое благоухание» (16, 137).

«Дабы мир был самое прекрасное и веселое и всякой радости преисполненное жилище» (16, 139).

«Не боги же они, а такие же, как мы, подобострастные нам человеки» (16, 138).

«А жене оставаться одной как бесприютной ластовице, потерявшей своего супруга (т. е. тяжело)» (16, 139). (Слово же «ластовица», заменившее у Достоевского «горлицу», употреблено Парфением несколько выше — ч. I, с. 256).

Приведенные примеры достаточно убедительно говорят, что Достоевский обращал внимание главным образом на определенный строй речи Парфения, гораздо менее его интересуют конкретные сюжеты или размышления цитируемого автора. Мысль о любви между родственниками «по естеству», довольно подробно излагаемая Парфением (ч. I, с. 260—261), преобразуется у Достоевского в запись: «Ибо остался им должен по естеству (т. е. должен любить)» (16, 139), по, возможно, отталкиваясь от этой записи, в окончательном тексте романа возникает разговор Аркадия с мамой о «родственной любви» (13, 212).

Один раз среди выписок из Парфения встречается ссылка на определенную страницу книги «См. 253 стран.» (16, 139) и, очевидно, на фактический материал, который может понадобиться, так как на указанной странице детально описывается «чин и устав» одного из монастырей.

Следом за материалами из книги Парфения в подготовительных материалах к роману появляются выписки из Библии. Главным образом цитируется Книга Иова, которую писатель тоже

перечитывал в период работы над «Подростком».¹¹ Иова Достоевский многократно упоминает в подготовительных материалах, так как он является одной из предполагаемых тем споров Макара, Аркадия и Версилова («Разбирают Иова» — 16, 388). Этот «разбор» не был осуществлен. Имя Иова несколько раз мелькает и среди других предполагавшихся «рассказов о святых». В окончательном тексте романа библейский праведник упомянут Макаром лишь один раз. «И Иов многострадальный, глядя на повых своих детушек, утешался, а забыл ли прежних, и мог ли забыть их — невозможно мне!..» (13, 330), — говорит он. Цитаты же из Библии, выписанные писателем в этот особый раздел подготовительных материалов, проникнуты общим настроением смирения, умиления, благолепия.

Здесь также записаны Достоевским ряд речений, фразеологизмов, притч чисто народного характера.

Как же использовал писатель эти свои материалы в окончательном тексте романа? К сожалению, до нас не дошел черновой автограф этой части романа, и нет возможности проследить по стадиям ту работу над словом, которая именно здесь велась, очевидно, особенно тщательно.

Во всех главах романа, где речь идет о Макаре, особое внимание обращается на характер его речи. Как бы продолжая полемику с Лесковым, идущую на страницах «Дневника писателя» в 1873 г., Версилов говорит Аркадию о Макаре, что ему свойственно «<...> умнее говорить дело, и говорить превосходно, то есть без глупого ихнего дворового глубокомыслия <...> без всех этих напряженных русизмов, которыми говорят у нас в романах и на сцене „настоящие русские люди“» (13, 108). Далее Подросток продолжает характеристику речи Макара: «Он говорил несколько высокопарно и неточно, но очень искренно и с каким-то сильным возбуждением», он «больше всего любил умиление, а потому и всё на него наводящее, да и сам любил рассказывать умиленные вещи» (13, 309), но не одна только «невинность простодушия» движет Макаром в его желании говорить, уточняет писатель, в нем «как бы выглядывал промагандист» (13, 302). Для Достоевского Макар был рупором идей, взглядов, «прямо противоположных идее Подростка», и «высшая противоположность Емму», Версилову (16, 176, 247). Для правдоподобия образа нужна была конкретная личность с индивидуальным характером — в данном случае иллюзия индивидуальности достигается стилизацией. Незадолго до написания «Подростка» в 1873 г. Достоевский отрицательно высказался по поводу натуралистической внешней характеристики при передаче речи персонажей. В. В. Виноградов усматривает в этих высказываниях Достоевского отрицание народно-сказовой и профессионально-бытовой

¹¹ См. письмо Достоевского к жене от 10/22 июня 1875 г. (II, III, 177).

«эссенциозности» и противопоставление ей своей словесно-художественной системы.¹² Е. М. Пульхритудова, полемизируя с Виноградовым, считает, что Достоевский отнюдь «не брезговал» подобной «эссенциозностью», и приводит достаточно убедительные примеры из «Бесов».¹³ Подобным художественным приемом пользовался Достоевский и в начале шестидесятых годов. Особенно нагляден он при анализе текста «Записок из Мертвого дома». Создавая «Записки», писатель пользовался своими записями пародных речений, пословиц, поговорок, присловий. Характерна глава «Акулькин муж», где стилизация построена на широком использовании записей «Сибирской тетради».¹⁴ В «Подростке» же Достоевский создает стилизацию более тонким и художественно обоснованным путем. Он пытается путем стилизации выявить существенные черты, стороны определенного национально-исторического явления, а не только зафиксировать внешнее сходство с какими-то образцами.

Особая значимость подобной стилизации в том, что главным образом через речь героя раскрывается его характер, его отношение к происходящему, его взгляды на жизнь.

Автор устами рассказчика говорит, что в рассказах Макара понравился ему более всего «тон» (13, 310). Этот особый «умилительный» тон очень характерен для сцены первой встречи Аркадия с Макаром, происходящей на фоне заходящего солнца. «Благолепие» сквозит в разговоре о старце, «насытившемся днями», отходящем «как колос к снопу и восполнивший тайну свою» (13, 287). Смирность, невозмутимость достигаются искусственным вкраплением в возбужденную, лихорадочную речь старца отдельных слов праведника Иова, выписанных писателем ранее при начале работы над образом странника. Далее Аркадий пересказывает рассказы Макара о «микроскопе» и о «солдате — мужике порционном», его рассуждения о «безбожниках». Но автор обильно ввел прямую речь собеседников, тем самым подготавливая к восприятию слова странника уже собственно в его повествовании. Речь Макара здесь явно ориентирована на стиль инока Парфения, ведущем свое повествование высокопарно, но с чувством и искренно. За «трогательную наивность» изложения ценил книгу Парфения Достоевский (II, IV, 114). Строй речи, ее ритм, манера восходит к размеренной, неторопливой, подробной в деталях и очень небезразличной по своей эмоциональной окраске, форме сказаний Парфения. Таков монолог о «безбожнике» (13, 302). Он более, чем другие рассуждения Макара, насыщен цитатами из Парфения («насытившись сладости книжной», «паче камене

¹² Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 505.

¹³ Пульхритудова Е. М. Достоевский и Лесков. (К истории творческих взаимоотношений). — В кн.: Достоевский и русские писатели. М., 1971, с. 104—106.

¹⁴ См.: 4, 165—173.

ожесточен», «иной из книг выбрал одни лишь цветочки», «чтобы мир был самое прекрасное и веселое и всякой радости преисполненное жилище», «все погибли, и только каждый хвалит свою погибель, а обратиться к единой истине не помыслит» и т. д.), и рассказ об «одном великого ума человеке», живущем в пустыне, который (далее опять обращение к Парфению), «в мире живши, обзяться браком не захотел», а живет он, «возлюбив тихие и безмолвные пристанища и чувства свои от мирских сует успокоив», «и в совершенном отсечении воли своей». Стилизовать значит сознательно уподобить свой стиль какому-нибудь образцу, но, несмотря на вышеуказанные образцы, данная стилизация Достоевского отличается отсутствием религиозно-мистических настроений при сохранении общего колорита источников. Здесь автору важна не столько индивидуальная манера говорить, но прежде всего манера видеть, отбирать виденное и лишь в этом главным мелькают «красные словечки», о которых Аркадий говорит, что понравились они ему «пуще всего» (13, 310).

«Умение смотреть» особенно явно обнаруживается в собственном рассказе Макара, являющемся вставной новеллой в общем строе романа. Рассказ этот «собственно уже из частной жизни» (13, 312), и источник стилизации в нем совершенно иной. В диалогах с Аркадием Макар изъясняется главным образом высоким слогом (за исключением истории об отпуском создате), здесь характер речи Макара меняется.

Рассказ передан в естественно повествовательной манере с разговорной интонацией. Вместо «приподнятости, высокопарности»¹⁵ слога, идущей от писаний Парфения, сказовый характер повествования о случившемся в городе Афимьевском основывается на образцах чисто народного характера. Достоевский использует богатейшую кладовую народной мудрости, часто заключенной в афористическую форму. Здесь, как и всегда, когда писатель обращается к герою из народа, звучат отдельные темы и выражения, уже встречавшиеся ранее в «Записках из Мертвого дома»: «Чего ихним дурачествам подражать»; «Беда, коли мерку свою потеряет человек»; «Решился капиталу»; «народ здешний вор, на что взглянет, то и тянет» (в «Записках из Мертвого дома»: «Поселенец — что младенец, на что взглянет...») (13, 314—318). Фразеологические обороты, заимствованные Достоевским у Парфения, редки, их всего шесть, и носят они чисто народный, бытовой характер. Например: «<...> одинокой-то вдовиче оставаться после супруга, подобно как бесприютной ластовиче <...>»; «Стали они жить с самого первого дня в великом и велицемерном согласии, опасно соблюдая свое супружество, и как единая душа в двух телесах» (13, 314, 321). Демонстрация подобных выражений не превращается здесь в самоцель. В рассказе о купце Скотобойникове стилизация настолько всесторонне

отражает мироощущение рассказчика (хотя роль его здесь ограничена, он лишь передатчик событий, но события передаются через призму его речи), что без этого вставного сказа немислимо верно понимание и интерпретация образа Макара. То, что Аркадий предлагает желающим «обойти рассказ», — лишь художественный прием автора, позволяющий полнее охарактеризовать нетерпеливость самого Подростка. Эта глава, хоть и говорит о ней Достоевский как о рассказе «из частной жизни», имеет несомненно житийное звучание. Как явствует из подготовительных материалов к роману, писатель собирался вложить в уста Макара «Рассказы о святых», отказавшись от них и лишь упомянув в окончательном тексте «Житие Марии Египетской», которое рассказывал Макар (13, 309), Достоевский останавливается на жизнеописании купца. Житийность этого сказа определяется конечной установкой на нравственный облик героя, на раскрытие в нем человеческой сущности, на его место в мире. В любом житии история «падений и восставаний» становится историей нравственного подвига и преображения. Личность в житиях проходит через «преступание» пределов греха и от преступления к подвигу и обновлению. Все эти этапы проходит герой рассказа Макара. Личность Скотобойникова раскрывается через совмещающиеся в ней противоположности, нравственную «широкость». Страшное злодейство становится началом подвига. Достоевский следует и выдерживает требования, предъявляемые к житию: условный биографизм, незавершенность житийного героя, ощущается здесь и обязательная в житийном повествовании двуплановость божественного и земного в судьбе купца. Своим сказом Достоевский полемизирует с библейским Иовом, провозглашающим невозможность человеку оправдаться перед всемогущим богом, и вслед за учением Тихона Задонского о возможности просветления и очищения утверждает, что нет греха, который невозможно было бы искупить. Достоевский не стремится охватить весь жизненный путь Максима Ивановича. Замысел ограничен лишь моментами кризиса в сознании Скотобойникова: «...с тех пор, Максим Иванович и задумался. И переменился человек...». Из «возможного», «мерку свою потерявшего» превратился он в человека «жалостливого беспримерно», получил «дар слезный» и отправился он спасать свою душу (13, 318, 322).

Таким образом, изучение источников, послуживших Достоевскому ориентиром в его стилизации и наравление их использования, позволяет заключить, что в романе «Подросток» писатель продемонстрировал на практике свое, заявленное в полемике с Лесковым понимание стилизации при изображении героя из народа. Преломив в своем сознании зафиксированные еще в начале работы над образом источники, автор овладел языком и мышлением своего героя так, что достиг его полного самораскрытия.

¹⁵ Тупицапов В. А. Достоевский и Некрасов, с. 57.